



Максим Сонин

МИШКА МИРОНОВА

Двоица • Охота • Обитель

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
С62

МИШКА МИРОНОВА
Максим Сонин

Книга издана с согласия автора

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Максим Сонин.

С62 Мишка Миронова / Максим Сонин. — Москва : Popcorn Books, 2024. — 688 с.

ISBN 978–5–907696–40–2

Таинственные убийства, кражи, похищения — к шестнадцатилетней следопытке Мишке Мироновой приходят с самыми разными запросами. Однажды она берется за дело, которое выглядит как несчастный случай: студентка попала под поезд в московском метро. Чем больше обстоятельств гибели девушки Мишка узнает, тем яснее понимает, что за всем этим кроется нечто более масштабное и пугающее.

В этой трилогии, состоящей из книг «Двоица», «Охота» и «Обитель», детективка Мишка Миронова занимается самым запутанным делом в своей карьере.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

© Максим Сонин, 2023
© Издание, оформление. Popcorn Books, 2024
© Hell Alka, иллюстрация на обложке, 2024

ISBN 978–5–907696–40–2

*Моей сестре Полине,
которую я очень люблю*

*В книге присутствуют описания жестоких сцен
физического насилия, в том числе над детьми.*

КНИГА 1
ДВОИЦА

ПРОЛОГ

Раскинувшийся на востоке Москвы завод «Арма» замер, изжаренный палящими лучами августовского солнца. Раскаленный, режущий кожу воздух размывал липнущий к подошвам асфальт и блестящие бронзовые крыши. Казалось, будто земля покрылась безвкусным, прозрачным потом и с трудом пытается вдохнуть через забитые поры подземных переходов.

Посередине центрального заводского переуллка замерла одинокая бездомная кошка. Ее фиолетовая шерсть вздыбилась пучками еловых иголок. Кошка сделала шаг к зданию, на кирпичном боку которого висел большой синий квадрат с рифленой цифрой два, и только тут заметила, что улица совсем не пуста. По редким темным углам прятались люди: они выползли из здания, чтобы перекурить. На часах под огромной цифрой стрелка только перевалила за два и теперь медленно скользила к трем.

Под часами, плаваясь даже в тени, курили двое полицейских. Один, младший по званию, с нездоровым цветом лица, объяснял другому, тронутому сединой:

— Пойми, я его не защищаю, но и ты должен понимать, что система совершила ошибку. Человек не должен сидеть в тюрьме за чужие грехи.

Седой, которому не было еще и тридцати, был внутренне согласен с напарником, но чувствовал, что опыт и ранняя седина требуют от него высказать авторитетную, а значит, более верную позицию.

— Не скажи, Слава. Ведь в итоге он совершил преступление, бесспорное, — убийство. Значит, система просто сработала на опережение, — сказал седой и посмотрел на наручные часы. Черная головка минутной стрелки уперлась в двойку. До обеденного перерыва в конторке «Sys-Тема» оставалось пять минут.

Молодой хотел что-то еще сказать, но заметил время на часах и промолчал. Чтобы чем-нибудь себя занять, попытался взглянуть в тень здания номер три, которое прикрывало улицу полотняным навесом. Под навесом из асфальта вырастала невысокая терраса, изрезанная деревянными скамейками. Людей на скамейках не было, потому что до них нужно было пересечь белую полосу солнечного света.

Стеклянная дверь в стене здания номер два хлопнула, выпустила на улицу девушку-дизайнера. Ее профессия читалась и в солнечных очках с толстой белой оправой, и в широких штанах, хлопающих при каждом шаге, и в том, с какой уверенностью она пересекла край тени, направляясь к скамейкам. Полицейские прицепились к ней взглядами и забыли о своем разговоре.

Девушку звали Вероника, и она считала себя скорее продюсером, чем дизайнером, но если дизайн приносил деньги, то музыка, клипы и рисунки пока оставались любимым хобби. В резюме Вероники, которое она раз в две недели вывешивала в фейсбук*, первой строчкой значился именно «дизайн».

* Facebook — продукт компании Meta, признанной экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Вероника села на скамейку, с которой открывался вид на вход здания номер два и гигантский циферблат. Часы Веронике были не нужны, она собиралась вернуться в офис гораздо раньше окончания обеденного перерыва, но огромные черные цифры всегда привлекали ее внимание. Особенно цифра пять, которую хотелось назвать даже не «бюджетной», а прямо-таки «дешевой». Автор часов как будто сдался на полпути, и цифры, начиная с пятерки, были толще и заметно стандартнее единицы, двойки, тройки и четверки. Вероника лениво думала: пока большие контракты достаются таким идиотам, как этот «автор», она всегда с легкостью сможет найти работу.

В своей жизни Вероника вдохновлялась тем, что в мире еще есть несовершенства, которые она могла бы исправить. Ее не привлекала оригинальность, потому что среди ее друзей было слишком много тех, кто хотел сделать, создать или написать что-то «оригинальное». Все они витали в идеалистических облаках, которые надымили в девяностые трубы сибирских металлургических заводов. Проку от этого дыма было мало. Веронике хотелось улучшать, доводить до конца, достигать совершенства. Не придумывать, а реализовывать.

Она достала из поясной сумки пачку «Собрания» и несколько секунд разминала в пальцах тонкую сигарету. Бумага липла к коже, и Вероника с неудовольствием заметила, что вспотела. Жара все-таки стояла невыносимая.

— Вероника? — спросил кто-то со стороны водосточной трубы. Вероника оглянулась и увидела фигурку, которая отделилась от стены и направилась к ее скамейке. Это была молодая девушка, почти девочка, довольно странно одетая. Кроме светлых джинсов и заправленной в них клетчатой рубашки с золотыми пуговицами, на незнакомке была красная зимняя жилетка с большими карманами на груди, делавшая ее похожей на лондонскую телефонную будку.

— Простите, я вас не помню, — сказала Вероника. На вечеринках, куда Веронику иногда приглашали подиджеить знакомые, лица сменялись с невероятной скоростью. Тем более она не помнила по имени всех, с кем в разные моменты курила на этой самой скамейке: в зданиях бывшего завода располагалось несколько десятков контор, в которых работали бесконечно похожие друг на друга парни и девушки.

— Мы не знакомы, — сказала девушка, садясь на скамейку. Между ней и Вероникой осталось довольно много места, и Вероника вдруг подумала, что сейчас девушка достанет из маленького рюкзака коробку шахмат. Вместо этого незнакомка положила на желтые деревянные сжатый кулак. Несколько секунд ничего не происходило, потом кулак разжался, и Вероника увидела потертый бронзовый ключ.

— Что это? — спросила она.

— Ключ, — сказала незнакомка. Она снова сжала кулак, потрясла им и чуть наклонила голову, будто пытаясь рассмотреть Вероникин подбородок.

— Позвольте представиться, — сказала наконец незнакомка. — Мириам Миронова к вашим услугам.

На самом деле друзья с детства звали девушку Мишкой. Имя Мириам досталось ей вместе с фамилией Файнберг от отца, Бориса Александровича Файнберга, который всего через три месяца после Мишкиного рождения уехал с девятнадцатилетней любовницей в Тель-Авив. В четырнадцать лет Мишка поменяла фамилию на Миронову, девичью фамилию матери, и окончательно стала Мишкой, потому что представляться кому-либо Мириам Мироновой было бы просто глупо. Дурацкое имя Мишка вспоминала только тогда, когда нужно было произвести впечатление на собеседника, — не говорить же ментам и вот таким девушкам-дизайнерам: «Здравствуйте, меня зовут Мишка».

Представляясь, Мишка протянула Веронике левую руку. Та не смутилась, крепко сжала Мишкины пальцы.

— Вы из полиции? — спросила Вероника.

— Нет, просто заинтересованное лицо, — сказала Мишка, всем своим видом передавая расслабленность и даже скуку. Она видела полицейских возле циферблата боковым зрением. Еще двое должны были стоять за углом.

— Что вас заинтересовало? — спросила Вероника.

— Расскажите, пожалуйста, о том, что случилось у вас в квартире десятого числа этого месяца, — попросила Мишка. Она устроилась поудобнее и приготовилась слушать.

— Я уже столько раз рассказала все полиции, что вы хотите услышать? — Вероника улыбнулась.

Девочка — а Вероника уже решила, что перед ней скорее девочка, чем девушка, — ей понравилась. В ее смешной, совсем не летней одежде было что-то домашнее, экстернатское. Будто бы ее одевала старая няня, заставшая еще революцию. Особенно выделялась жилетка, слишком большая и толстая. Вероника принялась, ожидая почувствовать запах нафталина. Девочка слегка пахла потом. На ее узком запястье среди кожаных браслетов сверкнул серебряный крестик.

— Ну расскажите еще раз, пожалуйста, — попросила она и снова показала Веронике ключ.

Вероника вздохнула и сказала:

— Я поняла. Вас нанял мой отец. Хорошо, я расскажу все еще раз.

Мишка уже слышала эту историю от своего друга Вани. Именно Ванин пистолет нашли полицейские в руке мертвого Гриши Самойлова.

Вероника рассказывала хорошо заученный текст, и слушать его было скучно. Если бы Мишке нужно было кратко пересказать случившееся, например для «Медузы»* или «Доксы»**, она написала бы так:

Десятого мая две тысячи восемнадцатого года студентка МГУ Женя (имена не изменены. — Прим. Мишки Мироновой) сидела в своей комнате и готовилась к паре по лингвистике. В соседней комнате ее соседка Вероника монтировала рекламный ролик для одного известного московского пиар-агентства. В наушниках у Вероники играли повторяющиеся кусочки рекламного джингла. Студенческая идиллия — недорогая и просторная квартира, где у каждого свой уголок и есть куда пригласить друзей. Счастье и спокойствие, которым так часто не хватает места в современной Москве. То же говорят о подругах и знакомые. «Счастливые студентки. Всем бы хотелось жить так, не парясь о жилье. Может, и учились бы тогда лучше, а не как в нашей общаге», — рассказал редакции студент Б.

Вероника работала и не обращала внимания на звуки, доносившиеся из комнаты подруги. Возможно, она думала, что та смотрит фильм ужасов, а может быть, и не слышала ничего из-за музыки в наушниках. Но когда в соседней комнате раздался выстрел, Вероника вскочила и бросилась к двери. Дверь оказалась заперта, как выяснится, ключом, который обычно валялся на столике в прихожей. Позже следователи найдут его в кармане третьего участника этой

* «Медуза» — организация, включенная в реестр иностранных агентов, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

** «Докса» — организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

истории, Григория. Вероника, еще не зная, что случилось что-то непоправимое, позвала подругу, а когда та не ответила, попыталась открыть дверь силой. Замок не поддался. Вероника позвонила Жене и услышала телефон в соседней комнате. Никто не подходил. Несколько минут спустя Вероника позвонила в полицию.

«Мы вскрыли дверь в квартиру, там было еще две двери из прихожей и коридор на кухню. Слева дверь в комнату была распахнута, там лежал Григорий, пистолет было сразу видно в руке. На кровати еще было видно убитую девушку», — описывает страшную картину оперативник.

Тут Мишка улыбнулась, потому что у нее в голове дядя Сережа, следователь, говорил всегда проще и как-то развязнее, чем в жизни.

— Вы что-то сказали? — спросила Вероника.

— Нет, продолжайте, — сказала Мишка.

— Я услышала, что в коридоре что-то сломалось, и позвала на помощь. Почти сразу в дверь постучали, а когда я отошла, полицейский выбил дверь и выпустил меня, — сказала Вероника.

— Вы видели тела? — спросила Мишка.

— Почти нет. Женя лежала на кровати, а Гриша на полу, — сказала Вероника.

— Мне очень жаль, что вам пришлось это увидеть. Давайте я сейчас восстановлю всю картину преступления, а вы скажете, если я где-то ошиблась, хорошо? — сказала Мишка. Вероника устало кивнула.

— Ваш друг Гриша встречался с Женей. По какой-то причине он решил убить ее. Она его бросила? Он пришел в вашу с Женей квартиру — скорее всего, Женя егопустила. Гриша взял со столика в прихожей ключ, запер вашу дверь, полагаясь на то, что второй ключ не у вас, а у Жени.

Он просто не хотел, чтобы вы ему помешали. Дальше он пошел к Жене и ударил ее в затылок рукоятью пистолета. Потом еще и еще, пока не стало ясно, что она умерла. После этого он застрелился. Так? — Мишка рукой подвела под сказанным черту.

Вероника кивнула.

— Вы не знаете, откуда он мог взять пистолет?

— Нет. — Вероника пожалала плечами. — Купил, наверное. Мишка покивала, потом чуть приподнялась.

— Вы сказали, что меня нанял ваш отец. Это неправда. Ко мне обратился ваш друг — в прошлые выходные вы с Женей и Гришей были у него в гостях, и он, ваш друг, показывал вам пистолет, который с большим трудом купил для своей коллекции всякого армейского барахла. После вашего прихода пистолет пропал.

— Почему он не обратился в полицию? — спросила Вероника.

— С заявлением о пропаже огнестрельного оружия? Это срок, — сказала Мишка. — А интереснее то, почему вы не сказали полиции, откуда мог взяться пистолет. Защищали друга?

— Я не знаю, о чем вы, и не хочу больше с вами разговаривать. — Вероника поднялась.

— Еще секундочку. — Мишка цепко ухватила ее за запястье. — Я расспросила ваших друзей и знакомых. Все говорят: никаких причин для ненависти к Жене у Гриши не было. Наоборот, их отношения все считали идеальными, насколько это возможно в современной Москве. Наверное, обидно, когда у вашей соседки получается то, что не получилось у вас?

Вероника вырвалась и, гордо приподняв голову, направилась к дверям здания номер два.

— Пойдите, — позвала Мишка, но было поздно. Полицейские, которые, казалось, дремали под гигантским цифер-

блатом, ожили и пошли навстречу Веронике. Они не спешили, надеясь, что девушка успеет дойти до линии тени. Выходить на солнце им явно не хотелось.

Мишка не рассказала Веронике главного — как из подозрительной свидетельницы Вероника стала серьезной подозреваемой. То, что Вероника знала про пистолет, на суде ничего бы не значило, даже если бы это удалось доказать. Но после того, как Мишке написал Вероникин друг, тот самый, у которого пропал пистолет, Мишка попыталась выстроить новую картину преступления.

Сперва она не думала, что Вероника совершила убийство, скорее подозревала в ней большую осведомленность. Мишка опросила друзей и сокурсников убитых — все в один голос утверждали, что Женя и Гриша были счастливой парой. Мишка отказалась от основы следствия — идеи о виновности Гриши. Тогда получалось, что Вероника украла у друга пистолет, забила насмерть Женю — и тут становилось понятно, почему убийца не стал стрелять в Женю. Ведь, если убийцей был Гриша, он мог бы застрелить свою девушку, а потом застрелиться сам. Веронике же нельзя было создавать много шума, потому что Гриша еще только должен был войти в квартиру. Видимо, Вероника точно знала время его прихода и убила подругу за несколько минут до этого. Потомпустила Гришу в квартиру, провела в Женину комнату и, когда он в ужасе застыл перед кроватью, выстрелила ему в висок. После этого Вероника вложила пистолет ему в руку, в карман засунула ключ, вернулась в свою комнату, заперла ее изнутри и надела наушники. Ей оставалось только вызвать полицию.

С этой версией событий была всего одна проблема: оба ключа от комнаты оказались снаружи запертой двери. Один — в Гришином кармане, другой — на кольце с ключами в Жениной сумочке. «Значит, Вероника сделала ду-

бликат», — подумала Мишка. Дальнейшее было просто. Вооружившись фотографией Вероники, взятой с ее страницы во «ВКонтакте», и фотографией ключа, полученной от дяди Сережи, Мишка прошла по всем мастерским соответствующего профиля в районе, где жили Женя и Вероника. В третьей по счету мастерской бородатый мужик не только опознал Веронику, но и вынес со склада еще один дубликат, сделанный про запас. Именно его Мишка и показала Веронике в начале разговора.

После того как Вероникино алиби оказалось разбито, следствие провело новую экспертизу, чтобы установить, могла ли Вероника совершить убийство в соответствии с Мишкиными предположениями. Оказалось, могла. На ключе в Гришином кармане нашли микроскопическую каплю крови и Вероникины отпечатки пальцев. Гришиных отпечатков на ключе не было.

Мишка даже немного расстроилась: убийца оказалась неряшливая, глупая и невнимательная. Вот и теперь, вышагивая по раскаленной плитке, Вероника, казалось, не замечала черные силуэты на своем пути.

Мишка вздохнула и отвернулась. Вероника была ей неприятна.

1

Адриан снял с себя мирское и прошелся по квартире так, нагишом. Мелкая лежала на кровати, спала, руки ее дрожали. Брат еще не вернулся.

Смотреть на голую девочку было приятно, хоть и нехорошо. Такой она нравилась Адриану больше всего — беспомощной, тихо бредящей. Если бы не отцовские наставления, Адриан бы уже давно прогнал ее брата и жил бы с мелкой вдвоем, но отцовский закон полагалось блюсти. Адриан посмотрел на икону, висевшую над кроватью, и пробормотал тихую молитву:

О великая Христова угодница, преподобная мати Марие! Услыши недостойную молитву мою, грешного Адриана, прикрой, преподобная мати, очи Христоса Господа Бога моего, честь ему и поклонение.

Закончил уже совсем скомканно, потому что хотелось поскорее присесть к мелкой. Опустился на кровать, почувствовал в простынях пот. Ладонь положил на вытянутую ногу, провел по мокрой коже. Мелкая задрожала сильнее, открыла на мгновение глаза и снова провалилась в сон. Адриан довел палец до девочкиного бедра, постучал по выпирающей кости. Христос — а Адриан всегда его чувствовал — отвернулся, дозволил. Рука скользнула выше, и Адриану

пришлось пересесть поближе, чтобы потрогать грудь мелкой. Уже собирался ударить ладонью по белой коже, но тут мелкая что-то пробормотала, попыталась перевернуться на спину. Адриан нагнулся к ее лицу, поцеловал в щеку. Что-то она там говорила тихо. Молилась, наверное.

Адриан похлопал ее по щеке, и мелкая снова приоткрыла глаза.

Коренная москвичка, в разные периоды своей жизни сотрудница главной редакции восточной литературы издательства «Наука», журналов «Земля и Вселенная», «Аврора» и «Новый мир», диссидентка, бабушка, а если считать племянников, так даже и прабабушка, Екатерина Наумовна Файнберг всегда говорила, что Бог дает человеку или страдания, или смерть.

Ее мужу Александру Бог назначил умереть, и он умер, не дожив до тридцати лет. Екатерине Наумовне Бог прописал страдания, и со смерти мужа до рождения внучки в ее жизни не было ни одного счастливого дня. Даже долгожданная женитьба единственного сына оказалась омрачена недобрым предчувствием, потому что Екатерина Наумовна хорошо знала своего Борю и не верила в его семейную жизнь. Лишь когда глупо улыбающаяся невестка Мария дала новопеченной бабушке подержать сверток с хорошим именем Мириам, Екатерина поняла, что отведенные Богом страдания закончились. Для нее началась новая жизнь.

Во-первых, от единственного сына Екатерина благополучно отказалась даже раньше, чем он променял российскую жару на израильскую. Она не стала вычеркивать его из завещания, но перестала принимать у себя дома, что было в семье страшнейшим наказанием. Какие бы конфликты ни разрывали многочисленных Файнбергов и подвластных им Фурманов и Мироновых, дом Екатерины Наумовны